

Вырезка из газеты
ОМСКАЯ ПРАВДА

г. Омск

25 Дек 1981

У книжной полки

ИЗДАНО В СИБИРИ

Пожалуй, ни один писатель не вызывает сейчас такого громадного, такого живого интереса, как Достоевский. Во всем читающем мире нашему современнику, кажется, важно знать о Достоевском все: до тонкостей представлять развитие его личности, частную жизнь, его философию и эстетику, даже историю трагических ошибок и заблуждений.

Понятна и особая заинтересованность сибиряков в наследии и судьбе великого художника-реалиста. Долгих четыре года провел Достоевский в «Мертвом доме», Омском каторжном остроге. Достоевский вошел в историю русской литературы уже первым своим романом «Бедные люди». Но зрелость его как художника наступает в после-сибирские годы, когда создается реализм в высшем смысле слова, а психологический анализ сливается с попыткой решения философских, все-денских вопросов, когда один за другим рождаются великие романы Достоевского, и в каждом мы находим темы и характеры людей, с которыми встретился он на каторге и в ссылке.

Нашему желанию объемно, энциклопедически изучать Достоевского отвечает оригинальная по замыслу книга, выпущенная недавно в Иркутске

Восточно-Сибирским книжным издательством*). Ее идея и осуществление — результат большой и длительной работы омского краеведа Александра Лейфера, который составил книгу, написал комментарий и дельное послесловие, компактное и точное в наблюдениях и выводах. Официальные документы о каторге и солдаты Достоевского прежде хотя и публиковались, но были рассеяны по различным, иногда труднодоступным источникам. Письма Достоевского и воспоминания о нем современников давно стали библиографической редкостью, и широкому читателю неизвестны.

Но главное достоинство книги, на мой взгляд, в том, что впервые о ссылке — каторжном периоде жизни Достоевского мы получили столь полное представление: здесь сведены вместе все важнейшие материалы, художественные и документальные. Они становятся как бы обширным, развернутым комментарием к роману «Записки из Мертвого дома».

Из писем узнаем мы о важнейшем духовном переломе Достоевского. На каторге, увидев, какая пропасть разделяет народ и образованное дворянское меньшинство, поняв, что главное для него — найти путь обратно, к народной «почве», Достоевский видит его в «символе веры», в христианстве. О каторжном быте четырех тяжелейших лет мы читаем в подробном письме к брату писателя М. М. Достоев-

скому и интереснейших воспоминаниях А. Е. Врангеля.

Из письма к М. М. Достоевскому (Омск, 22 февраля 1854 г.): «Омск — гадкий городишко. Деревьев почти нет. Летом энной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишко грязный, военный и развратный, в высшей степени. Я говорю про черный народ. Если бы не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно... «...Впрочем, люди везде люди. И в каторге между разбойниками я в четыре года отличил, наконец, людей. Пове-ришь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корою отыскать золото».

Письма свидетельствуют и о сознании Достоевским своего большого писательского таланта. Он относится к себе требовательно и серьезно. Он не торопится писать, хотя переполнен выстраданными им жизненными впечатлениями. Испытывая острейшую материальную нужду, подневольный Семипалатинского линейного полка все же понимает, что «лучше подождать побольше синтезу, побольше думать, подождать, пока мелкое, выражающее одну идею, соберется в одно большое, в один крупный, рельефный образ, и тогда выражать его. Колоссальные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и выработывались долго и упорно. Не выражать же все промежуточные пробы и эскизы!».

Столь же строго судит Достоевский тогдашнюю литера-

туру. Его критические оценки творчества Островского, Тургенева, Л. Толстого, Писемского и сейчас поучительны и любопытны.

Множество сведений рассказано в письмах и воспоминаниях об интенсивном творческом процессе, начавшемся уже в Семипалатинске. В каторжном остроге писать не давали — идеи кипели только в голове, да изредка, находясь в госпитале, урывками он записывал слышанные меткие словечки, присловья, характерные обороты, частушки, прибаутки в самодельную тетрадку. Есть сведения, пишет А. Лейфер, что тетрадь эта хранилась у госпитального фельдшера А. И. Иванова. Сейчас она — в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Выйдя из каторги, Достоевский ждет от брата присылки книг: историков, экономистов, отцов церкви, книг по истории церкви, гегелевскую историю, философию. Этот круг чтения Достоевского в Семипалатинске позволяет сделать предположение, что писатель, начав предварительную работу над большим романом в 3-х частях, имеет в виду не будущее «Записки из Мертвого дома», как пишет А. Лейфер, соглашаясь с мнением известного исследователя А. С. Долинина, а роман, где философско-религиозные проблемы станут центральными, т. е. «Братья Карамазовы». Известно ведь, что история омского каторжника, бывшего поручика. Д. Ильинского впоследствии станет составной частью судьбы Дмитрия Карамазова.

В письмах Достоевский показывает свое мастерство психологического портрета. (Например, духовные портреты А. Е. Врангеля, М. Д. Исаевой).

Существенно, что в воспоминаниях современников Достоевский освещен по-разному, иногда полярно противоположно. Скажем, А. Е. Врангель был ближайшим, душевным другом ссыльного писателя, П. К. Мартынов писал о нем с чужих слов. Можно ли верить мемуарам Мартынова? Думаю, это заслуживало комментирования. Работа над комментариями — дело непростое, хлопотное. К тому же А. Лейфер был стеснен площадью текста. И все-таки при всей сложности публикации, комментарии к этой книге следовало бы сделать более обширными. Многие упомянутые в документах лица остаются читателю неизвестными, требовались, например, пояснения о литературных замыслах Достоевского. А разве не важно было понять, что имел в виду писатель, говоря в письме к А. Е. Врангелю о любимом брате Михаиле следующим: «Никогда не забуду, что он сказал Хоментовскому, передавшему ему мою просьбу похлопотать за меня: что мне лучше оставаться в Сибири!».

Жаль, что в этой богатой материалах книге на все существенное не хватило места.

Восточно-Сибирское издательство сделало важное и доброе дело. Досадно только, что полиграфисты не смогли издать книгу на хорошем уровне. Она напечатана неряшливо, с опечатками и на плохой бумаге. Вызывает недоумение и то, почему эту книгу нельзя было издать для всей Сибири, подобные публикации общесибирского значения должны быть доступны и омичам.

В. ФИЗИКОВ,
декан филологического
факультета педагогического
института.

* Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома. — Письма из Сибири. — Воспоминания современников. — (Сибирская тетрадь). — Документы. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981, 462 с. Тираж 100 тыс. экз.